

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

УДК 1(09)

Бондарева Я.В.

Московский государственный областной университет

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА СИНЕРГИИ В УЧЕНИЯХ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ (К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ)

Y. Bondareva

Moscow State Regional University

THE DEVELOPMENT OF THE SYNERGY PRINCIPLE IN DOCTRINES OF HUMAN EXISTENCE TRANSFORMATION (TO THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL BASES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY)

Аннотация. Важнейшим принципом отечественной религиозно-философской антропологии является синергия, представляющая собой «сотрудничество» человеческой свободы и божественной благодати, соединение объективных условий и средств обожения, данных Богом, и субъективных условий, созданных человеком. Содержание этого принципа часто раскрывалось через такие понятия и принципы, которые, так или иначе, отражали взаимосвязь божественного и человеческого: «соборность», «богочеловечество», «андрогинизм», «творчество», «свобода», «энергетизм», «символический реализм», «всеединство».

Ключевые слова: синергия, метод, вера, откровение, религиозный опыт.

Abstract. The most important principle of Russian Religious Philosophical anthropology was synergy that can be treated as a cooperation of man's freedom and God's grace. It is a combination of objective conditions (God's gift) and subjective conditions (created by man). The content of this principle was often opened through such categories and principles as "Catholicity", "Androgynous", "Creation", "Symbolical realism" and "All-Unity".

Key words: synergy, method, faith, revelation, religious experience.

Русская религиозная философия, решая антропологические задачи и задаваясь вопросами о смысле и конечной цели человеческой жизни, о возможности преобразования как человеческого, так и всего природного бытия, опиралась на те разделы систематического богословия, которые наиболее полно раскрывают эти вопросы с точки зрения христианского мировоззрения. В основании этих разделов лежат фундаментальные принципы – догматы, содержащие, с точки зрения христиан, непреложные истины. Важнейшим из

© Бондарева Я.В., 2013.

таких разделов является христология, ставшая методологической почвой для русской философии в её стремлении найти ответ на вопрос о конечной судьбе человека и космоса.

В качестве конечной перспективы человеческого бытия русская религиозная философия – вслед за богословием – рассматривала обожение (теозис) как преобразование, коренное, онтологическое изменение человеческой природы. Христология раскрывает смысл обожения через личность Христа, в которой Бог воочеловечился и тем самым открыл человеку возможность обожиться, не соединяя две природы, а изменяя, преображая свою небожественную природу и тем самым реализуя своё христианское назначение в жизни. В боговоплощении, восприятии Богом человеческого естества святоотеческая мысль усматривала источник непрерывной трансформации человека в «бога по благодати».

Именно кенозис – отречение от собственной воли, божественное уничтожение, отказ Бога от того, что ему свойственно по природе, принятие Иисусом смерти на кресте, но сохранение при этом полноты божества – является важнейшим принципом христианского миропонимания, отражающим реальные перспективы человека, а именно – становление богочеловечества, изменение природы всего тварного бытия через дарованную Богом благодать.

В то же время богословские тексты признают недостаточность одного лишь кенотического устремления божественной воли для человеческого обожения, так как для этого необходимо ответное стремление со стороны человека, которое есть результат личного свободного выбора, личностный поступок, волевое действие, за которое человек несёт ответственность. Суть подобных отношений между Богом и миром, сотрудничество человеческой свободы и божественной благодати выражает *принцип синергии* «как соединение объектив-

ных условий и средств обожения, данных Богом, и субъективных условий, созданных человеком» [1, с. 268].

Под основными субъективными условиями отцы церкви понимали направленность свободы воли к добру, творческое усилие, самоопределение человека в любви, в стремлении к соединению с Богом в познании. Те разделения, которые становятся свойственны природному миру в результате грехопадения, а именно: небесное и земное, духовное и материальное, мужское и женское, – должны преодолевать синергическим соединением воли в обратном порядке, образуя иерархию синтезов, берущую начало в целостности пола. Прообразы будущих синтезов богословие усматривает в ключевых моментах жизни Христа – рождестве как разрешении противоположности полов, преобразении как соединении чувственного и сверхчувственного в познании, воскресении как возможности преодоления природной необходимости смерти, вознесении как соединении небесного и земного.

Русская религиозная философия, изначально устремлённая к поиску оснований целостного и органичного мировоззрения, к созданию синтетичной формы философствования, свободной от всевозможных противоречий, не могла оставить без внимания христианские синтезы, восстанавливающие расколотое творение в иерархической последовательности: от физиологии и познания – до онтологического соединения тварного и божественного. Неслучайной, в связи с этим, оказалась ориентация русской философии, начиная со славянофилов и Вл. Соловьёва, на методологическую традицию всеединства как попытку такого синтеза, где «всё в Боге» и «всё имманентно всему».

Отечественная православная мысль выработывала своё понимание принципа синергии, кардинально отличное от представлений западного христианства о «заслугах»

перед Богом. Если на Западе обожение понималось как схождение благодати за заслуги человеческой воли, то в русском православии речь шла не о заслугах, а о сорботничестве, синергии двух волей, да и сама благодать понималась не как единовременная награда за благое дело, но как процесс, как присутствие Бога в человеке, требующее от человека непрестанных усилий, заключающихся «в преодолении «феноменальной» стороны своего бытия» [2, с. 5].

Вне богословия, в рамках религиозной философии принцип синергии, как правило, не был терминологически выражен; само понятие «синергия» редко звучало в философских сочинениях, однако содержание этого принципа часто раскрывалось через такие понятия и принципы, которые, так или иначе, отражали взаимосвязь божественного и человеческого. «Соборность», «богочеловечество», «андрогинизм», «творчество», «свобода», «энергетизм», «символический реализм», «всеединство» – вот те понятия и принципы, посредством которых в русской религиозной философии раскрывались разные стороны принципа синергии.

Так, в I половине XIX в. в философских сочинениях славянофилов принципы синергии и соборности фактически отождествлялись. Такое же отождествление впоследствии стало характерным и для П.А. Флоренского, а у Н.О. Лосского и С.Н. Булгакова появились понятия «соборное творчество» и «соборное человечество». Впрочем, связь соборности и синергии вполне обоснованна, правда, не в рамках методологии всеединства, а на почве православного энергетизма: божественные энергии создают объективную основу духовного единства людей (соборности), но реальная приобщённость к ним возможна только при наличии субъективных усилий человека (синергии).

В философии Вл. Соловьёва принцип синергии выражен в идее богочеловечества,

субъективная сторона которой представлена социумом, общественностью. Идея богоподобия человека сменяется у Вл. Соловьёва идеей богоподобия человечества как некоего потенциального, заданного его содержания. При этом личность как носитель идеи всеединства не утрачивала своего значения, но, напротив, приобретала актуальность в решении главной задачи восстановления целостности. Очевидно, это и есть то новое понимание Соловьёвым персонализма, о котором говорил Е.Н. Трубецкой, и даже слова философа о личности как «подставке чего-то другого, высшего», свидетельствуют, скорее, не об имперсонализме, а о попытке выразить идею синергии в рамках всеединства.

Всецеловеческий характер синергии раскрывается и в учении Вл. Соловьёва о смысле любви как преобразении не индивидуальном, а всеобщем, т. е. охватывающим всё человечество в его прошлом, настоящем и будущем. Любовь становится для философа той силой, энергией, с помощью которой можно достичь бессмертия и которая может быть раскрыта силами самого человека, в порядке естественных усилий [4, с. 24]. Правда, «единичный человек может достигнуть этого лишь сообща и вместе со всеми» [4, с. 50], но это не отменяет синергического характера любви, производящей, по представлению Соловьёва, «духовно-телесные токи», одухотворяющие природу и воплощающие в ней образы всеединства.

Энергетический аспект синергии не остался вне поля зрения и тех философов, которые впоследствии также выстраивали свои системы на базе методологии всеединства. Так, Е.Н. Трубецкой, следуя за Вл. Соловьёвым в его рассуждениях о богочеловечестве, раскрывал именно энергийный аспект принципа синергии. Исходя из эсхатологического учения о конце мира и его преобразении как конечной цели мирового процесса, философ доказывал необходи-

мость двусторонних – богочеловеческих – усилий в «космическом превращении», которое есть «не только величайшее чудо Божие, но вместе с тем и проявление высшей энергии человеческого естества» [5, с. 217]. Для преобразования человечества необходима его зрелость, которая и означает у Е.Н. Трубецкого обнаружение «высшего подъёма энергии в искании Бога и в стремлении к Нему» [5, с. 217]. Привнесение в синергический процесс энергийного начала открыло для философа новое понимание эсхатологии – не фаталистическое, а динамическое. «Это не какой-либо внешний, посторонний миру акт божественной магии, – пишет Е.Н. Трубецкой о перспективах преобразования мира, – а двустороннее и при этом окончательное самоопределение Бога к человеку и человека к Богу – высшее откровение творчества Божества и человеческой свободы» [5, с. 217].

В рамках всеединства, но уже исходя из индивидуалистических начал, раскрывал принцип синергии С.Л. Франк, используя при этом понятие «целестремительности» как основного свойства человеческой души [6, с. 113]. Именно целестремительная формирующая энергия способна сдерживать душевный хаос и активизировать силу той «центральной инстанции» в человеке, которая осознаётся как сверхиндивидуальная авторитетность и мощь, иными словами, сфера абсолютного, божественного. В свойственной ему манере иерархических построений С.Л. Франк обосновывал наличие в душевной жизни человека не только имманентного, эмпирического уровня, но и высшего, трансцендентного, духовного, сверхиндивидуального уровня, где осуществляется связь с Абсолютом. Таким образом, у С.Л. Франка субъективная сторона синергии оказалась уже изначально присутствующей, заложенной в человеке Богом и несущей Его печать. Это, в свою очередь, позволило философу выявить и обосновать конкретные проявления си-

нергии, важнейшим из которых С.Л. Франк считал творчество.

Философ отмечает важную черту, которая раскрывает содержание творчества как синергийного процесса, а именно – наличие в творчестве свободы воли. Человек здесь представлен не как «раб Божий», покорный исполнитель божественной воли, но как свободный соучастник божественного творчества, и «всякое слепое, рабское, механическое выполнение этой воли есть именно невыполнение её истинного существа» [6, с. 365]. И, несмотря на то, что представление философа о человеческом творчестве как «вольном выполнении целостной воли Божией» является своеобразной стилизацией богословского представления о синергии как о единении двух волей, эта стилизация проникнута святоотеческой мыслью о синергии как о соединении энергий. У С.Л. Франка есть слова о действии в человеке-творце «силы», «подчинённого божественного духа», которые, хотя и истекают от Бога и связаны с Ним, но занимают промежуточное положение между человеческим духом и Богом. Данный иерархизм соответствует одному из принципиальных положений православного энергетизма о наличии разных ступеней («модусов») приобщения мира к божественным энергиям, т. е. об иерархическом участии мира в деле обожения.

Основные положения принципа синергии, разработанные С.Л. Франком, несколько ранее развивались и в философии Н.О. Лосского. «Целестремительность», «творчество», «свобода воли», «динамизм» как характеристики антропологического аспекта синергии раскрывались философом с присущей ему основательностью. С позиций персонализма обосновывалась идея индивидуального характера творчества как выражения индивидуальной нормативной божественной идеи, присущей субстанциальным деятелям, с тех же позиций раскрывалось понятие целестре-

мительности для утверждения личности как открытой системы, способной осознавать бытие Бога, воспринимать жизнь других личностей и всей природы. Всё это, несомненно, важно для раскрытия принципа синергии, особенно в свете учения Н.О. Лосского о «конечной судьбе тварных существ» и преобразении личности.

Однако наиболее оригинальным привнесением в трактовку синергийного процесса стало то, что Н.О. Лосский подходил к его обоснованию с аксиологических позиций. Именно способность осознавать абсолютные ценности, т. е. ценности, имеющие положительное значение для всех (истина, нравственное добро, красота, Бог), стала для философа определяющей в идентификации «действительной личности», т. е. личности, способной приобщиться к божественной жизни. Только сознание абсолютных ценностей вызывает в личности, по мысли Лосского, долженствование делать их целью своего поведения.

Чтобы сделать вывод о причастности «действительных личностей» к божественному совершенству, о возможности для них удостоиться обожения по благодати, Н.О. Лосский осуществил анализ личности с точки зрения её качественной определённости. Поскольку любое человеческое «я» определено философом как «субстанциональный деятель», то главными его характеристиками являются сверхвременность и сверхпространственность. И, несмотря на то, что своей творческой деятельностью личность создаёт свои качественно определённые проявления (радость, печаль и др.), сама творческая сила деятеля сверхкачественна, невыразима ни в каких определённых свойствах, а значит, не зависит от всех мировых процессов и качеств. Иначе говоря, личность свободно творит свою жизнь, что проявляется в её способности стать выше своих личных нужд и бескорыстно стремиться к неличным ценностям (истине, красоте, свободе).

Высшей степенью совершенства личности Лосский называет любовь к Богу, превышающую любовь к себе, что даёт личности возможность участвовать в полноте божественного бытия. Именно этот момент в развитии Н.О. Лосским принципа синергии оказался наиболее близким святоотеческому пониманию любви не только как имени божьего, но и как божественного дара человеку, посредством которого человек становится образом, отблеском любви божественной и приобретает эрос творчества как способность преодоления своей тварности в восхождении к божественному Эросу.

В своём развитии принципа синергии Н.О. Лосский использовал и такие идеи, принципы и понятия, которые стали уже традиционными для отечественной мысли, но которые он обогатил идеями интуитивизма и учением о «конкретно-идеальном бытии». Одной из таких идей стала идея соборного творчества как активного сотрудничества с Богом. При этом антиномия «индивидуального» и «соборного» не является для философа неразрешимым противоречием, но представляет собой основу гармонически единого целого или «конкретного единосуция» [3, с. 327].

Следуя за Вл. Соловьёвым, у которого синергийный процесс представлен не только вертикальным вектором (человек-Бог), но и горизонтальным («всечеловечество»), Н.О. Лосский направляет горизонтальные векторы синергии от человека к человеку, согласовывая их деятельность в соборном творчестве, подобном хоровому исполнению музыкального произведения. При этом индивидуальная ценность каждой личности не только не устраняется, но приобретает статус абсолютной, всеобъемлющей ценности, т. е. обладающей абсолютной полнотой бытия и совершенства [3, с. 327]. Для обоснования этого суждения философ вводит понятие «частичного единосуция» всех личностей, что означает

лишь то, что они подчинены общему пространственно-временному принципу. Исходя из единости личностей, Н.О. Лосский делает вывод об их способности сознать и познавать в подлиннике, т. е. интуитивно, душевные состояния других личностей. Такое частичное единство философ называет «отвлечённым», поскольку только некоторая сторона бытия личностей остаётся единой, в остальном же между ними возможны разногласия.

«Отвлечённому единству» Н.О. Лосский противопоставляет «конкретное единство» как усвоение и творение абсолютного добра на основе свободного творчества и любви. «Восполняя своим творчеством жизнь друг друга, – пишет Н.О. Лосский, – личности достигают совершенной полноты жизни не в смысле пассивного только созерцания славы Божией, а в смысле также и активного сотрудничества с Богом и сотворённым Им миром» [3, с. 327]. Таким образом, «конкретное единство» личностей становится тем субъективным условием, которое необходимо для синергического взаимодействия человека и Бога.

Говоря о взаимодействии субъективной и объективной сторон синергии, Н.О. Лосский исходил из христоцентрического принципа, выраженного в форме учения о Богочеловеке Иисусе Христе. Правда, у Лосского христоцентризм приобретает оттенок платонизма, так как у него Христос-Логос творит не только мир, но и идею Небесного, совершенного человека, заслуживающего обожения и жизни в Царстве Божиим. Более того, Христос сам усваивает эту идею, воплощаясь в виде двуприродного Богочеловека. Основываясь на положе-

нии о двуприродности Христа как единости Богу и творению, Н.О. Лосский видит в Христе *посредника* между этими двумя онтологически столь различными областями, а потому синергический процесс понимается философом как интимное общение с Богочеловеком, через которое «вся тварь поднимается к Богу и члены Царства Божия обоживаются по благодати» [3, с. 328].

Таким образом, независимо от способа выражения синергической связи человека и Бога (через концепции всеединства, соборности, богочеловечества и т. д.), как Вл. Соловьёв, так и С.Л. Франк и Н.О. Лосский, сходятся в определении качественных характеристик этой связи, называя среди них динамизм, активность, целестремительность, творчество, совместное действие, предполагающее нравственную ответственность человека. Именно через принцип синергии содержание православного энергетизма проявляется наиболее отчётливо, несмотря на некоторую стилизацию богословского представления о синергии как о единении двух волей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарева Я.В. Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – 320 с.
2. Бондарева Я.В. Мистический опыт как метод русской религиозной философии // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – № 4. – М., 2012. – С. 5–11.
3. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
4. Соловьёв В.С. Полн. собр. соч. и писем в 20 томах. Т. 7. – М.: Наука, 2000. – 554 с.
5. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
6. Франк С.Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – 480 с.